

An aerial photograph of Manhattan, New York, taken from a high altitude. The image shows the dense urban landscape, including the Hudson River, the East River, and the city's grid pattern. In the foreground, the white wing of a commercial airplane is visible, extending from the left side towards the center. The sky is a clear, deep blue.

Римма Харламова
Эмилия Лемперт

Город и судьбы: Манхэттен

Единственный в мире

Римма Харламова

**Город и судьбы: Манхэттен.
Единственный в мире**

«Издательские решения»

Харламова Р.

Город и судьбы: Манхэттен. Единственный в мире /
Р. Харламова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903943-9

Рассказ о достопримечательностях Манхэттена (и Нью-Йорка) сплетается с рассказом о людях, чьи судьбы неотделимы от истории города — единственного в мире, объединяющего людей и народы при сохранении многочисленных различий и абсолютной уникальности. Авторы ведут читателя с юга на север острова Манхэттен, время от времени совершая «отступления от маршрута», чтобы поговорить с гостями или местными жителями, оценить искусство мэра в управлении городом или просто посмотреть на местных птиц и зверей.

ISBN 978-5-44-903943-9

© Харламова Р.
© Издательские решения

Содержание

Введение	7
Глава 1. Мир в Бэттери-парке	9
Начало Бэттери-парка	10
Бэттери-парк сегодня	11
Памятники Бэттери-парка	13
Глава 2. Между Богом и Маммоной	17
Подробнее о Тринити-черч	20
Отступление от маршрута 1. Доллар и другие деньги	22
Как возникли деньги?	23
Люди гибли за металл	24
«Уберите Ленина с денег!»	25
Бумажные деньги	26
Доллар	27
Дорогие лица	28
Прочий дизайн	29
Жизнь бумажного доллара	30
Глава 3. С чего начиналась новая Родина	31
Первые на новой земле	33
Eldridge Street Synagogue	34
Lower East Side Tenement Museum	35
Kehila Kedosha Janina	36
Пирсы по-еврейски	37
На крыше Красной Площади	38
Глава 4. Земные высоты	39
Самые первые	41
Из истории	42
Экономическое чудо Азии	43
Новые европейские	44
Революция в умах	45
Высотные здания – высокое искусство	46
Отступление от маршрута 2. Управление искусством и искусство управления	47
Глава 5. Близнецы-небоскребы	49
Глава 6. Новый Всемирный Торговый Центр	53
Отступление от маршрута 3. Гармония, ярмарка и Слава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Город и судьбы: Манхэттен Единственный в мире

Римма Харламова
Эмилия Лемперт

Редактор Римма Харламова

Фотограф Борис Гитман

© Римма Харламова, 2018

© Эмилия Лемперт, 2018

© Борис Гитман, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-3943-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга «Город и судьбы: Манхэттен» предназначена как для русскоязычных туристов, приезжающих в Нью-Йорк, так и для русскоязычных читателей во всем мире. Читателей любого возраста. Любого пола. Любых интересов. Можно по приезду в Нью-Йорк радостно удивляться, встречая уже знакомые достопримечательности. А можно, прочитав эту книгу, не ездить никуда и все-таки живо и отчетливо увидеть огромный и удивительный город Манхэттен – остров и район в еще более огромном и удивительном городе Нью-Йорке.

Авторы книги – Римма Харламова, филолог и журналист, автор книг «О любви и смерти» (о трагедии 11 сентября) и «Когда-то. Жизнь и быт древних славян», и Эмилия Лемперт, в СССР – инженер и искусствовед, а в США – автор многих незабываемых экскурсий по Нью-Йорку и Америке, а также интереснейших лекций и бесед о литературе, живописи и музыке.

Объем информации, содержащийся в книге, огромен, но воспринимаются эти сведения легко: «академические» главы (цифры, факты, имена) перемежаются с эмоциональными историями или интервью с известными и интересными людьми. Рассказ об основных достопримечательностях и памятниках Манхэттена сплетается с рассказом о судьбах, давних и современных, неотделимых от истории города. Воистину – сплетение судеб... Читатель видит воочию единственный в мире город – непохожий, вопреки расхожему мнению, на «плавильный котел», в котором жители смешиваются в единое целое, а, напротив, объединяющий людей и народы на основе (и при сохранении) их многочисленных различий и абсолютной уникальности.

Авторы ведут читателя с юга на север Манхэттена, время от времени совершая «отступления от маршрута», чтобы побеседовать с гостями или жителями города, оценить искусство мэра в управлении городом или просто посмотреть на местных птиц и зверей.

Книга «Город и судьбы» богато и щедро иллюстрирована высокопрофессиональными фотографиями Бориса Гитмана, а также симпатичными любительскими снимками Марины и Анатолия Дайнеко, Сергея Дикмана, Риммы Харламовой и Полины Зайденман. Фотографию башен-«близнецов» любезно предоставила американская фотохудожница Грация Вита, тяжело пострадавшая в результате атаки 11 сентября, но выжившая и поднявшаяся вновь (<http://graziavita.com>).

Книга может стать хорошим подарком; ее будут хранить бережно и перечитывать многократно; она привлекательно оформлена и написана увлекательным, добротным и легким литературным языком.

Маленький бонус: ссылка на единственный в своем роде полный (по крайней мере, на конец 2017 – начало 2018 года) список (явки, адреса и телефоны) всех музеев и художественных галерей Нью-Йорка, больших и маленьких:

<http://www.yellowbook.com/s/arboretum/new-york-ny/?page=1&sort=&source=real-user>

Источники:

Википедия

RUNYweb.com> НЬЮ-ЙОРК> материалы Геннадия Кацова

Газета «Русский базар», Нью-Йорк, материалы Маргариты Шкляревской

<https://samsebeskazal.livejournal.com/>

The Encyclopedia of New York City: Second Edition by Kenneth T. Jackson, New York, 1995

Skyscrapers. Judith Dupre. Black Dog & Leventhal publishers, New York, 1996

Bridges. Judith Dupre. Black Dog & Leventhal publishers, New York, 1997

Введение

Нижний Манхэттен – значит, Южный, просто на карте он расположен внизу, как югу и положено; хоть и Нижним он называется, но здесь над головой почти смыкаются вершины небоскребов. Дома на Манхэттенских продольных (на карте – вертикальных) улицах – «авеню» – нумеруются с юга на север. Так и мы пойдем по Манхэттену: на север, от самой южной точки. Отсюда начиналась история Нью-Йорка, да и, в весьма большой степени, история собственно Соединенных Штатов Америки. Отсюда хорошо видна Статуя Свободы, встречающая в порту корабли со всего света.

Курт Воннегут однажды назвал остров Манхэттен «Национальным парком небоскребов» – ядовито, но точно.

Главный путь через Манхэттен проложен по старинной скотопрогонной тропе и называется Бродвей – это двадцать пять километров театров и кинотеатров, бесчисленных магазинов, роскошных офисов и небывалых жилых домов (рвущихся ввысь); это тысячи уличных музыкантов и художников; это безумными цветами светящая и безумно круглосуточно гремящая реклама; это место, где никто никогда не спит, а если верить песенке *The Lullaby of Broadway* («Колыбельная Бродвея») из популярного мюзикла, то даже младенцы здесь засыпают только к утру, когда молочники начинают разносить молоко по домам; это и просто неширокая и непривычно для Нью-Йорка непрямая улица (символически начинающаяся от Музея американских индейцев, расположенном в здании бывшей портовой таможни), по которой можно за день-два пройти пешком наискосок через весь остров Манхэттен, безопасно, как хотелось бы верить, обосновавшийся на колоссальной монолитной скале. И остров этот не замирает ни на мгновение в своем предполагаемом совершенстве, а вечно строится, достраивается и перестраивается; недаром О’Генри заметил больше века тому назад: «Это будет классное место, если его строительство когда-нибудь завершат».

Глава 1. Мир в Бэттери-парке

*Храните, древние страны, вашу легендарную пышность,
А мне отдайте ваших усталых, ваших бедных...
А мне отдайте из глубин бездонных
Своих изгоев, люд забитый свой,
Пошлите мне отверженных, бездомных,
Я им свечу у двери золотой...
Эмма Лазарус «Новый Колосс», перевод Владимира Лазаруса*

Манхэттен дышит с помощью трех зеленых «легких»: Трайон-парк на северо-западе, Центральный парк, естественно, в центре, и Бэттери-парк – на южной оконечности острова.

Начало Бэттери-парка

Итак, в 1621 году горстка голландских переселенцев высадилась здесь на берег. Позднее к ним присоединились еще 30 семей – все равно не густо. Еще на корабле проявил себя как истинный лидер Питер Минюит; его-то единогласно и избрали руководителем. И очень правильно сделали: все решения Питера Минюита оказались верными на много – нет, даже не лет, а веков вперед. Минюит предложил поставить дома и возвести крепость рядом с шатрами местного индейского племени, с вождями и рядовыми членами которого он сразу же завел дружбу. Это и была южная оконечность Манхэттена (теперь здесь Музей Американских Индейцев). Далее Минюит построил мельницы – себе молотить хлеб, да и индейцам тоже пригодились. Поэтому впоследствии изображение мельницы украсило герб города Нью-Йорка (наряду с бобрами, британским львом – в эпоху британского владычества – и бочками с пушницей). Но наступил день, когда Минюит откупил у индейцев весь остров Манхэттен. Согласно легенде, он одарил индейских жен бусами и другими украшениями, на радостях напоил вождей – и счастливые скво уговорили мужей подписать кровью договор о купле-продаже. Это была самая удачная сделка за всю историю торговли недвижимостью: Манхэттен обошелся Минюиту примерно в 60 гульденов или, по сегодняшнему курсу – в 24 доллара. Проснувшись, индейцы обиделись и уплыли в своих пирогах на другой берег Гудзона, где и осели – бедные, но гордые. Однако все обошлось мирно. Тем не менее, Минюит построил форт для защиты берега с юга, названный Амстердам и давший начало городу Нью-Амстердаму, ныне именуемому Нью-Йорк.

Намного позже, во время наполеоновских войн, когда Америка выступила на стороне Франции против Великобритании, а именно в 1811 году насыпали островок в 18 метрах от суши и возвели крепость понадежнее, позднее названную Форт Клинтон, в честь мэра города де Витта Клинтона. Крепость отодвинули на 18 метров от берега, чтобы как можно раньше увидеть вражеские – то есть английские – корабли. Позднее отвоевали у Гудзона и это пространство, так что сегодня весь Бэттери Парк располагается на насыпной земле. А англичане-то, между прочим, с моря первыми увидели крепость – и не решились атаковать, уплыли восвояси. И все 28 орудий Форта Клинтон так и не сделали ни одного боевого выстрела. Зато эти батареи в будущем дали имя мирному Бэттери-парку, построенному во времена, когда юная Америка победила во многих войнах за свою и чужую свободу.

Ныне **Форт Клинтон** является историческим памятником. Оборонительная крепость за долгие годы пережила многие превращения. Когда нужда в обороне отпала и вокруг Форта Клинтон разбили Бэттери-парк, ставший излюбленным местом для гулянья публики, то крепость подвели под крышу и превратили в концертный зал, который часто использовали и для приема именитых гостей. Например, в 1824 году здесь принимали генерала Лафайета; в 1842 году Сэмюель Морзе демонстрировал передачу по беспроводному телеграфу; в 1850 году дебютировал знаменитый певец Дженни Линд; в 1851 году приветствовали венгерского патриота Лайоша Кошута. Когда в Америку начали прибывать тысячи иммигрантов, здание крепости с 1855 до 1890 года использовали как иммиграционный центр. Позднее иммиграционный центр был переведен на Элис Айленд, а Форт Клинтон переоборудовали в... аквариум, который действовал с 1896 до 1941 года. После переноса аквариума в Бруклин, крепость восстановили в первоначальном виде. В 1950 году был подписан указ о включении Форта Клинтон в реестр исторически ценных национальных монументов. А в 1982 году штат Нью-Йорк включил Бэттери-парк в общий прибрежный парк (Харбор Парк) как историческую часть города. С 1940 до 1952 года Бэттери-парк был закрыт на время строительства Бэттери Туннеля. По окончании строительства парк «потерял» два акра земли и тогда в 1955 году решили добавить к нему Питер Минюит Плазу.

Бэттери-парк сегодня

Миллионы жителей Нью-Йорка и туристов приезжают сюда, чтобы погулять среди деревьев и памятников, прокатиться на кораблике к Статуе Свободы и на Эллис Айленд, да и просто полюбоваться изумительными панорамами мостов, видами Нью-Джерси или окаймляющими парк небоскребами Манхэттена. Здесь всегдалюдно, часто проходят бесплатные выступления музыкантов и многие другие интересные события.

При входе в Бэттери-парк с востока (со стороны Бродвея) нас встречает обелиск из розового гранита, на фасаде которого изображена **сцена покупки острова Манхэттен** Питером Минюитом у индейского вождя. На двух других гранях обелиска описана история этой покупки на голландском и английском языках. А на четвертой грани высечена старинная карта Нью-Амстердама (так в 1624 году назывался Нью-Йорк). Высоко над обелиском реют американский и голландский флаги и флаг парка, находящегося под охраной государства.

От обелиска к Форту Клинтон ведет прекрасная аллея, засаженная розами: «Аллея Роз» или **аллея имени Эммы Лазарус** – автора сонета «Новый Колосс», выбитого на постаменте Статуи Свободы. Судьба этой еврейской девочки достойна романа. Эмма родилась в семье сефардов, предки которых бежали в Новый Свет из Португалии от преследований инквизиции. Девочка была болезненной и потому получила домашнее образование. Изучила несколько языков. Начала писать стихи, послала на отзыв знаменитому Ральфу Уолдо Эмерсону, который нашел у нее талант и... отсутствие жизненного опыта. В это время в Америку влиялся широкий поток иммигрантов, в том числе еврейских беженцев из Российской империи. Эмма решила организовать помощь им: вместе с друзьями она каждый день встречала новопривывших, приносила кошерную еду, переводила, обустроивала... Вот так со временем возник ХИАС! Вернувшись к поэзии, Эмма занялась переводами с иврита на английский, некоторые из этих переводов вошли в молитвенники. В 1883 году был объявлен необычный аукцион: поэты продавали свои неопубликованные стихи; стихотворение, собравшее больше денег, должно быть выбито на пьедестале Статуи Свободы. В аукционе участвовали такие гиганты, как Уолт Уитмен, Генри Лонгфелло, Брет Гарт и Марк Твен. Стихотворение Эммы Лазарус «Новый Колосс» собрало двадцать одну тысячу долларов, пять строчек из него были высечены на пьедестале великой статуи и обессмертили имя поэтессы.

На аллее Эммы Лазарус, близ обелиска, стоит израненная скульптура Фрица Кенига. Название ее нарочито лишено эмоций: **«Сфера»**. Но у каждого жителя Нью-Йорка это изображение вызывает бурю чувств.

Фонтан в виде руки, держащей металлический блестящий земной шар, на пьедестале из черного полированного гранита (казавшегося мокрым и сверкавшего даже без водных струй), прежде украшал площадь перед башнями Всемирного Торгового Центра и символизировал мир во всем мире. Во время атаки террористов 11 сентября 2001 года памятник был изуродован обломками обрушившихся зданий, почернел в страшном пожаре... В таком виде «Сферу» перенесли в Бэттери-парк. Памятник стал мемориалом 11 сентября и символом иного мира – разорванного, враждебного... У подножья «Сферы» в первую годовщину трагедии был зажжен вечный огонь в память о погибших. Он горит и по сей день. В знойном свете нью-йоркского лета или в светлых сумерках теплой нью-йоркской зимы с трудом можно разглядеть прозрачное золотое пламя, гневно бьющееся на морском ветру; но всем нам, пережившим 11 сентября, и видеть ничего не нужно, мы и так знаем: здесь горит вечный огонь нашей памяти и нашего горя, нашей любви и нашей ненависти.

Проходя дальше по аллее, мы встречаем группу иммигрантов, только что сошедших на американскую землю и... застывших в бронзе: **монумент «Иммигранты»**. В конце XIX века иммигранты прибывали на пароходах к Форту Клинтон, тогда служившему таможней, именно здесь выходили из ворот и входили в новую американскую жизнь. Эта драматическая скульптурная композиция установлена на деньги фонда Сэмюэля Рудина в память о его предках, прибывших к берегам Америки в 1883 году, и, конечно, в память о всех иммигрантах, вышедших когда-то из ворот Форта Клинтон. Скульптор Луис Сангино (иммигрант в первом поколении) воздвиг мемориал в 1973 году, объединив на низком – почти вровень с землей – гранитном пьедестале героические бронзовые фигуры восточноевропейского еврея, освобожденного африканского раба, христианского священника, британского рабочего... Памятник стал символом всечеловеческого разнообразия жителей Америки и, в частности, Нью-Йорка, столь же неверно, сколь и привычно именуемого «плавильным котлом»: никто здесь не «плавится», а, напротив, сохраняет исконное своеобразие, в то же время впитывая реалии новой жизни на новой земле.

Памятники Бэттери-парка

В Бэттери-парке установлено более 30 памятников в честь исторических событий или исторических личностей.

Вот перед нами великий создатель первых цельнометаллических кораблей, выходец из Швеции – **Джон Эрикссон**. Традиционная, несколько даже старомодная (чугунное литье, практически в человеческий рост) статуя работы Джонатана Хартли воздвигнута в 1902 году, на месте другого памятника тому же герою. Эрикссон держит в руке модель своего нового корабля, броненосца «Монитор», сделанного полностью из металла – от киля до мачты. Корабль был построен на Бруклинской верфи во время Гражданской войны за 101 день, при его строительстве было запатентовано 47 изобретений. Никто доселе не видел ничего подобного, никто не верил, что он не пойдет ко дну, как только его спустят на воду. Однако корабль поплыл «как утка», как и обещал изобретатель. Так 30 января 1862 года броненосец Эрикссона, спущенный со стапелей на воду Ист Ривер, открыл новую эру в кораблестроении мира. Эрикссон революционизировал множество направлений в технологии, более всего прославившись во время войны Севера и Юга. В частности, эффективность стрельбы корабельных орудий в морском бою возросла многократно благодаря контрольному устройству Эрикссона (это устройство держал Эрикссон в прежнем варианте памятника). Говорили, что движения карандаша Эрикссона по чертежной доске значили для победы северян не меньше, чем движения армии Линкольна по полям сражений.

Напротив памятника Эрикссону – **памятник американским воинам, погибшим в Корейской войне**, работы скульптора Мака Адамса, установленный в 1991 году. Этот военный мемориал отличается необычным решением: вместо фигуры солдата мы видим только его контур в гранитном обелиске, силуэт в маршевом пехотном обмундировании (ведь все войны, в сущности, заканчивала пехота, гордо входя в покоренные населенные пункты или в панике покидая их). А самого солдата нет – пустота, воздушное пространство, – он погиб!.. Однажды в году, 27 июля, ровно в 10 утра (время и день окончания военных действий в Корее в 1953 году), нью-йоркское солнце сквозь силуэт солдата бросает луч на памятную надпись. Постамент окружен изразцами с изображением флагов двадцати двух стран, посылавших свои войска воевать на стороне Америки, то есть Южной Кореи: от Канады до Южно-Африканской Республики и Индии. Сюда часто приходят ветераны той далекой войны – и американцы, и корейцы, – возлагают цветы, вместе фотографируются на его фоне. Сколько им осталось жить – пусть проживут в мирном мире.

Пройдя к набережной, мы видим прекрасный, великолепно восстановленный **Пирс А** – единственный сохранившийся исторический пирс на всем берегу Гудзона. Не пристаю к нему больше корабли, но дерево и камни, поросшие водорослями, по-прежнему разбивают волны, храня берег. У Пирса А прямо в водах Гудзона с 1991 года стоит удивительный памятник (скульптор Марисоль Эскобар) – **мемориал всем морякам американского торгового флота**, не вернувшимся в родной порт. Памятник показывает трагедию, совершающуюся на наших глазах: моряки на борту полутонувшего судна пытаются вытащить из воды товарища. Во время прилива или отлива в гавани, вода по-разному покрывает фигуру тонущего: то видна голова и вытянутая вверх рука, то лишь часть руки, что усиливает драматизм ситуации. Это реальная история американского торгового судна, подвергшегося нападению германской подводной лодки. Весь экипаж погиб... Остались только фотографии, сделанные на память немецким моряком с палубы его боевого корабля, торпедировавшего мирное судно. Спокойно он запечатлевал агонию корабля и людей. Памятник сделан по этим фотографиям.

У воды стоит и один из самых красивых памятников Нью-Йорка, установленный в честь мужественного мореплавателя **Джованни Верразано**, – первого европейца, прибывшего в далеком 1524 году к берегам Стейтен Айленда и Манхэттена. Джованни был родом из маленького города Верразано (находящегося в 20 км от Флоренции), отпрыском старой тосканской богатой семьи, которая имела политические расхождения с могущественными Медичи. По этой причине Джованни уезжает во Францию, обучается мореходству в Дьеппе, является к престолу могущественного французского короля Франциска Первого и предлагает возглавить экспедицию для завоевания новых колоний для Франции. Король дал денег, и корабль «Дофин», на котором Джованни пересек Атлантический океан, входит в гавань сегодняшнего Нью-Йорка, открывает Восточное побережье и, в том числе, реку, которая сегодня носит имя другого замечательного мореплавателя, прибывшего к этим берегам почти на сто лет позже, – Хадсона (река Гудзон). Благодарная итальянская община собрала деньги и к 400-летию со дня открытия Манхэттена поставила в Бэттери-парке памятник великому итальянскому первооткрывателю, прославившему, тем не менее, имя короля Франции. А благодарный Нью-Йорк увековечил его имя и в названии самого большого в Америке подвесного моста – Верразано-Наровз Бридж, построенного в 1964 году и соединяющего Бруклин со Стейтен Айлендом.

Не забыт и менее заметный итальянский герой: у подножья памятнику Верразано воздвигнут **камень в честь первого гражданина Италии, ступившего на землю Америки** (в 1635 году): Питера Цезаря Альберти.

Невдалеке от него расположен величественный комплекс в память о моряках, погибших на побережье Атлантического Океана во время Второй Мировой войны: **мемориал «Восточ-**

ное побережье» работы скульптора Альбино Манка. Мемориал был завершен в 1960 году и ныне представляет собой гигантскую статую серебристого орла, от которой спускаются к берегу ступени, а их ходу следуют двадцать белых стел с именами погибших, – все они равны, генералы и солдаты, перед Богом; на постаменте высечено: «Их доблестные души в твоих руках, Господь». Памятник идеально вписан в городской ландшафт: если смотреть на Манхэттен с берега, то продолжением линии стел окажутся силуэты небоскребов, вознесшихся выше могучего орла.

Гораздо скромнее выглядит другой мемориал Второй Мировой войны, созданный в 1947 и воздвигнутый в 1955 году: «**В память мужчин и женщин из береговой охраны Соединенных Штатов**, которые служили своей стране во время Второй Мировой войны. 1941—1945». Три восьмифутовые бронзовые фигуры: двое мужчин поддерживают женщину – товарища по оружию. Скромный памятник, но, чтобы оплатить его, все – все до единого! – когда-либо служившие в береговой охране США сдали по доллару, собрав \$25,000. Сам скульптор Норман Томас служил в береговой охране всю войну. Воистину – памятник воинскому братству...

Простой памятник **Джону Вульффу Амброузу** – бюст в нише каменной стелы работы скульптора Эндрю О'Коннора-младшего установлен в 1936 году. Джон Амброуз – инженер, приехал из Ирландии в Нью-Йорк в 1850-е годы и остался здесь навсегда. Его инженерно-строительные новшества, невероятные для своего времени, придали южному Манхэттену облик, что ныне так привычен и естествен для нас с вами: Амброуз расширил и очистил каналы, ведущие в порт, усовершенствовал и достроил доки, провел наземные железнодорожные грузовые пути.

В 1915 году был установлен **памятник всем погибшим радистам** работы скульпторов Эдварда Хьюитта и Вильяма Боттомли. В былые времена радисты были незаменимыми членами корабельных команд и действовали в условиях смертельного риска. Многие из них пали смертью храбрых, уйдя на дно вместе с кораблями. И первым именем, высеченным на памятнике, стало имя Джека Филлипса, служившего на «Титанике». Памятник очень скромный: простая четырехгранная гранитная колонна с вделанной вглубь металлической плитой с именами радистов. Список не закончен, год от года его пополняют новые имена. Об этом мемориале пишет в своей книге Вилла Картер: «Герои пали в штормах и битвах, но их имена собраны вместе, – как были собраны вместе и верно служили дружные и единые корабельные команды, в которых радисты занимали достойное место в жизни и смерти».

А дальше на восток по берегу мирный памятник – да полно, мирный ли? Мемориал, установленный в 2002 году, был создан для общественного осознания событий, которые привели к «**Великому ирландскому голоду и эмиграции**» в 1845—1852 годы. На грандиозной плите словно возрожден типичный ирландский ландшафт: опустевший сельский дом, каменные стены вокруг, вспаханные картофельные поля, полевые цветы Ирландии, – все, как в стране, непримиримо суровой для сотен тысяч ирландцев, переселившихся в теплую Америку, но с горькой любовью вспоминающих прежнюю родину.

...Детская площадка с бронзовыми героями и бронзовой же географической картой мира – скульптурный комплекс «**Реальный мир**», установленный в Бэттери-парке в 1992 году. Работы **Тома Оттернесса** можно встретить по всему Нью-Йорку, что даже и странно: герои скульптора напоминают советские карикатуры на американских буржуев из журнала «Крокодил», только веселее и добрее (может, в этом дело?). Забавные бронзовые персонажи Оттернесса (работяги и клерки, финансовые воротилы и радикалы без штанов, но в бейсболках) гуляют по кирпичной дорожке, усеянной одноцентовыми монетками. А рядом смешные бронзовые звери, словно из мультиков, только играют они в... деньги. В доллары. Азартнее всех – свинка-копилка! А большие и маленькие зрители только улыбаются над наивной верой в превосходство «единого обменного эквивалента» над людьми и животными...

Не обойти этот маленький парк и за день: ежечасно меняется свет небес над ним, воды и ветры вокруг, листва на деревьях, а более всего – люди. После ужасающего урагана «Сэнди» в парке провели работы по восстановлению и укреплению. Сажают новые деревья, строят новые монументы, а вокруг ставят новые здания. Жизнь продолжается, возрождая и обновляя огромную страну Америку, прекрасный город Нью-Йорк и маленький мирный Бэттери-парк.

Глава 2. Между Богом и Маммоной

*Летят года. Беснуется легенда.
И как попало главами пестрит.
И вот уже зловредного агента
Следить за ними подослал Уолл-стрит.
Павел Антокольский «Калиостро»*

Уолл-стрит – самая знаменитая финансовая улица в мире – очень короткая, всего пять кварталов. Она начинается с храма Святой Троицы на Бродвее, старейшей действующей церкви Нью Йорка, приводит к Фондовой бирже и знаменитым банкам, а заканчивается у темных вод Ист-ривер. То есть основная часть улицы действительно расположена между Богом и Маммоной. Уолл-стрит является центром всего финансового района города, а согласно исторически сложившейся традиции – финансовым центром всего Нью-Йорка и Соединенных Штатов, да и всего мира.

На Уолл-стрит находится крупнейшая в мире фондовая биржа – Нью-Йоркская фондовая биржа, а также штаб-квартиры и офисы компании NASDAQ, Нью-Йоркской товарной биржи и BNY Mellon, старейшего банка Америки, основанного в 1784 году. В прошлом здесь была еще и штаб-квартира крупнейшего финансового учреждения США JPMorgan Chase, которая в 2001 году переехала, продав свое здание банку Deutsche Bank. А еще здесь величественно возвышалось одно из важнейших государственных зданий – Федерал-холл. 30 апреля 1789 года в Федерал-холле прошла инаугурация первого президента США Джорджа Вашингтона, принявшего присягу на балконе здания.

Улица Уолл-стрит за время своего существования стала свидетелем многих взлетов и падений, и ее история невероятно привлекательна для всех, кто интересуется финансами.

Название улицы происходит от расположенной здесь в XVII веке городской стены (wall – стена), стоявшей на страже северной части города Новый Амстердам (старое название Нью-Йорка). В 1640 году этот простой деревянный частокол, служил голландским первопоселенцам защитой от английских колонистов и индейцев, а позже, по поручению Голландской Вест-Индской компании, был перестроен в более существенное укрепление высотой 12 футов (4 метра). В 1685 году местные жители проложили вдоль стены дорогу, ставшую, как это часто бывало в Америке, улицей, названной в честь стены. Вскоре на этой улице начинают собираться купцы и другие торговцы для покупки и продажи акций и облигаций. Со временем эти торговцы разделились на два класса – аукционеров и дилеров. Кроме того, на Уолл-стрит находился рынок рабов, где желающие могли нанять раба на оговоренный заранее срок.

В конце XVIII века торговцы собирались всегда под столетним платаном, где и проводили операции с ценными бумагами под «честное купеческое слово». В 1792 году они решили узаконить свою ассоциацию и подписали «Платановое соглашение», ставшее началом Нью-Йоркской фондовой биржи. Подписавшие соглашение брали обязательства взимать друг с друга стандартную комиссию. Не подписавшие соглашение тоже могли участвовать в торгах, но с более высокой ставкой комиссии.

В первые десятилетия своего существования на Уолл-стрит велась бурная торговля и появлялись новые компании и предприятия. Местные жители жаловались на шум и суету. А когда после открытия канала Эри в начале XIX века Нью-Йорк стал единственным крупным восточным морским портом, имевшим доступ к внутренним водным путям и к портам на Великих озерах, улица Уолл-стрит стала финансовым центром Америки. В 40—50 гг XIX в. жители Уолл-стрит стали массово переселяться на север города, оставив местность финансовым бизнесам. Гражданская война 1861—1865 гг между Севером и Югом привела к тому, что северные города переживали больший экономический бум, чем южные, и, естественно, больше процветали. В Нью-Йорке появились крупнейшие банки и компании, в том числе крупнейшее финансовое учреждение JPMorgan Chase; в Нью-Йорк переехала штаб-квартира компании Джона Рокфеллера Standard Oil. В период с 1860 по 1920 гг Нью-Йорк был вторым после Лондона в мире финансово-капитала.

В 1884 году американский журналист Чарльз Доу впервые начал отслеживать тенденцию изменения цен крупнейших компаний страны, выводя при этом средний показатель общего состояния рынка. Так появился знаменитый индекс Доу-Джонса, без которого сегодня не представим фондовый рынок.

В конце XIX – начале XX в.в. в Нью-Йорке началось активнейшее строительство небоскребов: в Манхэттене скальная порода наиболее подходила для высотных зданий. Узкая и короткая улица выросла ввысь!

В октябре 1929 года разразился крах фондового рынка; началась Великая Депрессия, при которой четверть населения потеряла работу, а развитие финансового района зашло в тупик. Существенный подъем произошел лишь в 1967 году, когда объемы торгов поднялись до 7,5 млн. акций в день. В новом тысячелетии Нью-Йоркская фондовая биржа остается крупнейшей и престижнейшей на фондовом рынке мира.

Фильмы об Уолл-стрит снимали часто и с удовольствием, в разные годы, в разных жанрах и с разным настроением:

Эта прекрасная жизнь (It's A Wonderful Life, 1946)

Поменяться местами (Trading Places, 1983)

Уолл-стрит (Wall Street, 1987)

Варвары у ворот (Barbarians At The Gate, 1993)

Компаньон (The Associate, 1996)

Аферист (Rogue Trader, 1999)

Бойлерная (Boiler Room, 2000)

Уолл-стрит: Деньги не спят (Wall Street 2: Money Never Sleeps, 2010)

Кванты: алхимики Уолл-стрит (Quants: The Alchemists Of Wall Street, 2010)

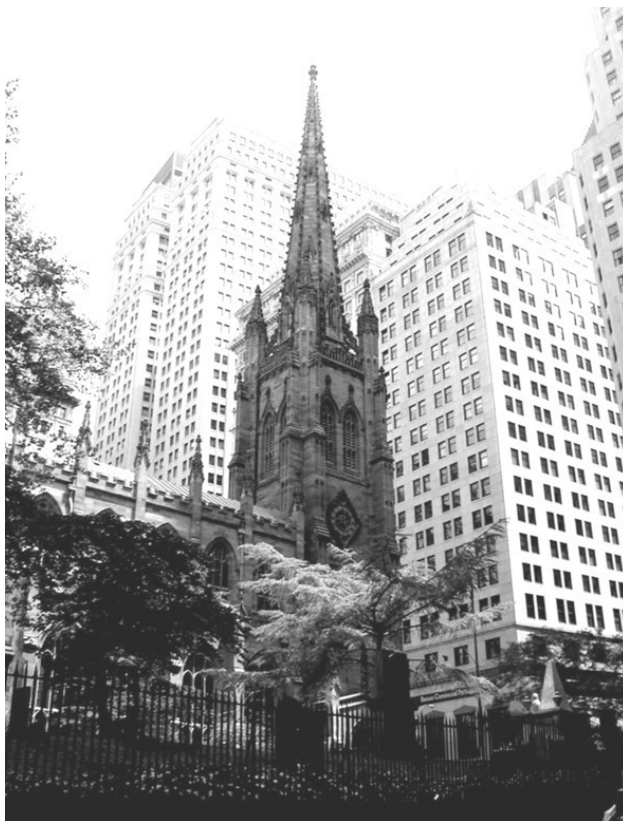
Слишком круто для неудачи (Too Big To Fail, 2011)

Волк с Уолл-стрит (Wolf Of Wall Street, 2013).

Подробнее о Тринити-черч

Церковь Троицы, или Тринити-чёрч (Trinity Church) – храм Нью-Йоркской епархии Епископальной церкви США, расположенный на пересечении Бродвея и Уолл-стрит. Первая церковь на этом месте была возведена в 1698 году и представляла собой бесхитрое сооружение прямоугольной формы с мансардной крышей и небольшим крыльцом. Нью-Йорк был тогда маленьким городком, значительную часть доходов которого обеспечивали швартуящиеся в местной гавани пиратские корабли. Один из грозных флибустьеров, капитан Кидд, даже одолжил снасти своего корабля для строительных работ и, говорят, многое при строительстве церкви оплатил. Впрочем, одно доброе деяние не спасло Кидда от печальной участи большинства пиратов: он был в скором времени повешен...

Во время Великого Нью-Йоркского Пожара 1776 года, когда Нижний Манхэттен сгорел практически полностью, огонь уничтожил и деревянное здание церкви. В 1790 году на месте сгоревшего было построено новое здание, которое, однако, не выдержало сильнейших снегопадов зимы 1838—1839 годов: крыша рухнула и весь остов пришлось снести. Третье здание, нынешнее, спроектировал в стиле неоготики британский архитектор Ричард Апджон, переселившийся в Америку; завершено оно было в 1846 году. Вместе со шпилем и крестом здание церкви возвышалось на 85 метров и оставалось высочайшим сооружением Нью-Йорка вплоть до 1890 года, когда был построен небоскрёб The New York World, не сохранившийся до наших дней. Церковь Троицы доминировала над зданиями Нижнего Манхэттена, а шпиль с золотым крестом был виден далеко в гавани Нью-Йорка; церковь, словно маяк, приветствовала прибывающие суда.

В 1697 году английский король Вильгельм III утвердил устав церкви, по которому она была обязана отдавать короне в качестве арендной платы за участок земли одну горошинку

перца в год. В 1705 году английская королева Анна отдала церкви в дар землю на западной стороне Манхэттена. Про стоимость аренды на два века забыли... В 1976 году церковь посетила королева Великобритании Елизавета II. Ей были торжественно вручены 279 горошинок перца: церковь возвратила долг.

Входят в церковь через массивные бронзовые двери работы Ричарда Морриса Ханта в память щедрого прихожанина – адвоката Джона Джейкоба Астора. На северной и восточной дверях изображены сцены из Ветхого и Нового Заветов, на южной – из истории Нью-Йорка. Интерьер украшен яркими витражами; самый замечательный из них, с изображениями Иисуса и апостолов, находится над алтарём. В церкви имеется также и небольшой музей, в котором экспонируются исторические документы, включая тот самый устав короля Вильгельма III, по которому платили горошинами перца.

На небольшом кладбище внутри церковной ограды похоронены и не забыты многие известные личности, например, один из отцов-основателей США Александр Гамильтон (возле памятника которому круглый год лежат свежие цветы) и создатель одного из первых в мире пароходов Роберт Фултон.

Богатые музыкальные программы церкви Троицы предлагают живую профессионально исполняемую классику и современную музыку для Сообщества Уолл Стрит, начиная с 1969 года. В церкви также действуют несколько хоров, в том числе знаменитый хор Троицы, который выступает каждое воскресенье по утрам на общественном радио Нью-Йорка на 96.3 FM. В храме на концертах звучит самая разная музыка – от кантат Баха до джаза в стиле фьюжн в исполнении известных саксофонистов.

Отступление от маршрута 1. Доллар и другие деньги

Энциклопедия гласит: ДЕНЬГИ (money) – товар особого рода, используемый при обмене как эквивалент всех других товаров. То есть такой удобный универсальный эквивалент, с которым все товары можно сравнивать. Удобно, да, но... ни один вид денег не имеет постоянной ценности. То золото дешевеет, то бумага дорожает, то ракушки трескаются, то меха линяют. А уж в нашу эпоху бумажных денег инфляция (обесценивание денег) вообще стала постоянной. А ничего другого пока человечество не придумало.

Как возникли деньги?

Как только в люди начали менять одни товары на другие, тут же появилась и необходимость в изобретении денег. Представьте только, как мучителен был обмен до появления универсального эквивалента, то есть денег! Вот что вспоминает европейский путешественник Верни Камерон, отправившийся в 1873 году в Африку: «Забавно было видеть, как мне пришлось платить наемную плату за лодку... Агент Сай ибн-Габиба требовал уплаты слоновой костью, которой, однако, у меня не было; тогда я узнал, что Магомет ибн-Салиб располагал слоновой костью и желал иметь сукно; однако это известие принесло мне еще немного пользы, пока, наконец, я не услышал, что Магомет ибн-Гаариб имел сукно и желал иметь проволоку. Эта последняя у меня, по счастью, была, и, таким образом, я дал Магомету ибн-Гаарибу требуемое количество медной проволоки, он передал Магомету ибн-Салибу сукно, а этот последний дал агентам Сай ибн-Габиба требуемую слоновую кость; тогда только я получил от последнего право пользоваться лодкой». А уже заканчивался девятнадцатый век, между прочим...

Люди гибли за металл

Первыми деньгами в разных районах планеты служили самые различные товары: скот, зерно, меха, редкие раковины, соль, рабы. Чаще всего – скот. Латинское название денег «rescupia» происходит от «rescus» – скот, домашние животные. Так было и у славян: от древнеславянского слова «скот» произошли первые русские финансовые термины: «скотница» – казна, «скотник» – казначей. Но скот, раковины, шкурки не были еще полноценными – универсальными – деньгами. Лишь золото и серебро смогли стать универсальными деньгами, поскольку они не портились со временем и легко делились на части. Эти металлы еще и очень портативны: маленький кусочек золота всегда много стоил. Но все кусочки металлов надо было постоянно взвешивать при обмене. А вот примерно в конце VII века до нашей эры в Лидии (Малая Азия) изобрели монеты – круглые слитки драгоценных металлов, чьи стандарты гарантировались государственной чеканкой, быстро ставшие универсальным средством обмена для большинства цивилизаций в Старом Свете. Происхождение слова «монета» связано с названием храма богини Юноны-Монеты (от лат. *monere* – советую), на территории которого с 275 года до нашей эры начали чеканить денежные знаки Древнего Рима.

Поскольку золотые и серебряные монеты обладали собственной ценностью, их можно было использовать во всех странах, где были в ходу металлические деньги. Однако каждое государство стремилось чеканить собственную монету, демонстрируя суверенитет.

На территории России чеканка собственных монет, серебряных и золотых, началась во времена Владимира Святославовича после принятия им христианства. Во время татаро-монгольского ига отдельные русские княжества чеканили свои монеты, но одновременно имела и хождение татарская серебряная «теньга» (от нее и произошло российское слово «деньги»). Из слитков серебра в XIII веке рубили куски, получившие название «рублей». И лишь после реформы 1534 года в России началась чеканка общегосударственной монеты – серебряной «копейки», названной так потому, что на ней был отчеканен всадник с копьем. При Петре Первом появились новые серебряные номиналы – десять денег (5 копеек), гривенник – 10 копеек, полуполтинник (25 копеек) и полтинник (50 копеек). В 1704 году впервые отчеканили серебряный рубль. С 1718 года в России появились и золотые деньги (червонцы). Россия нового времени стала первой в мире страной с десятичной денежно-весовой системой, принятой впоследствии большинством стран. Тем не менее, во всем мире в 1944 в качестве единственной резервной валюты, поддерживающей стоимость золота, был объявлен доллар США (то-то!). Распад золотодолларовой системы в 1960—1970-е годы привел к практически полному прекращению использования денег из драгоценных металлов. Металлические деньги сохранились только как мелкие монеты.

«Уберите Ленина с денег!»

Поэт Андрей Вознесенский возмущался тем, что лик основателя советского государства украшал десятирублевую банкноту. Впрочем, народ не поддерживал ярость поэта: в известном анекдоте работяга, получив зарплату, щелкал по носу Ленину и приговаривал: «У меня не Мавзолей, не залежишься!»

Бумажные деньги

Первые бумажные деньги появились в средневековом Китае, где широко использовались с XI века. Понятно, почему: сама бумага была изобретена именно в этой стране. В Западной Европе бумажные деньги были изобретены заметно позже, чем в Китае, но к началу XIX века бумажные банкноты составляли уже половину всей денежной массы. К концу XIX века они стали господствовать во всем мире.

Первоначально бумажные деньги выпускались коммерческими банками, их обеспечением был капитал банка. Однако уже в XVIII веке банкноты стало выпускать только государство. Постепенно они перестали обмениваться на золото, став обычными бумажными деньгами. Банкноты, являясь чисто символическими деньгами, требуют для своего эффективного функционирования государственные гарантии. Частные деньги полностью исчезли в XIX веке.

Доллар

Первые доллары появились в Америке лишь в конце XVIII века, вскоре после революции. До того колонисты пользовались фунтами, шиллингами и, кроме того, деньгами соседей, испанских колонистов – песо.

Слово «доллар» имеет гораздо более длинную родословную, чем сама валюта. Еще в начале XVI века на немецких рудниках начали чеканить крупные серебряные монеты, названные Иоахимсталермюнце – монета из долины Святого Иоахима. Название распространилось по всей Европе, превратившись в Италии в таллеро, в Испании – в далеро, в скандинавских странах – далер, в Англии – талер или доллар и т. п. И когда Соединенные Штаты завоевали свободу, деньги нового государства решено было назвать знакомым, но не связанным с Британией словом «доллар». А немецкий талер в 1873 году прекратил свое существование, превратившись в марку.

Поначалу в каждом штате Америки доллар выглядел по-разному, на нем всегда писали лишь «State Bank Notes». Из-за того, что в обращении находилось множество разнообразных купюр, выпускались еженедельные справочники с их описаниями. И только в середине XIX века, во время Гражданской войны, для оплаты военных расходов впервые были напечатаны единые деньги – «United States Notes».

Если до того банкноты были черно-серыми, лишь чуть-чуть по краям подцвеченными, то с 1861 года они стали цветными во избежание подделок. Так доллары «позеленели». Говорят, когда понадобилось напечатать банкнот на 60 миллионов долларов, в типографии хватило только зеленого красителя для такой масштабной работы.

Есть несколько объяснений слова «бакс». К примеру, от английского «buck» – самец оленя или козла. Мол, шкуры тогда были своеобразной валютой. Или от английского же «sawbuck» – козлы для пилки дров, на которые была похожа римская цифра X на обороте первой 10-долларовой купюры. В общем, никто толком не знает.

За полтора века дизайн долларовых банкнот менялся, но все они, даже выпущенные в 1860-е годы, считаются законным платежным средством и принимаются по номиналу.

Дорогие лица

Последний раз серьезные изменения внешности доллара произошли в 1928 году: на нем появились портреты президентов США. Между прочим, дизайн однодолларовой купюры и всю эту галерею президентов придумал иммигрант из России Сергей Макроновский. На 1-долларовой банкноте изображен Джордж Вашингтон, на 2-долларовой – Томас Джефферсон, на 5-долларовой – Авраам Линкольн, с 10-долларовой смотрит Александр Гамильтон (хотя он был не президентом, а министром финансов), с 20-долларовой – Эндрю Джексон, с полусотенной – Уиллис Грант, а со 100 долларов – Бенджамин Франклин. Впрочем, есть и более крупные купюры, однако они уже не выпускаются, постепенно изымаются из обращения и запрещены к вывозу из США. Но существуют доллары с портретами президентов Уильяма Маккинли (на 500-долларовой банкноте), Гровера Кливленда (на 1000), Джеймса Мэдисона, «отца американской конституции» (на 5000), Сэмюэля Чейза – одного из подписавших Декларацию независимости (на 10000 банкноте) и Вудро Вильсона (100000). Такие купюры используются только при межбанковских расчетах, причем на их оборотной стороне нет изображений, только номинал.

Прочий дизайн

Девиз «In God We Trust» («Мы доверяем Богу») впервые появился на американской валюте лишь в 1957 году, и к 1963 году им обзавелись все находящиеся в обращении купюры. По поводу изображения на долларе пирамиды и глаза спорят до сих пор. Многие считают этот символ масонским. Другие полагают, что пирамида, символизирующая силу и прочность, сложена из 13 рядов (по числу объединившихся вначале штатов) и не завершена, поскольку число штатов может расти. Глаз – Божье око, означает подчинение материального начала духовному.

И, наконец, знаменитый символ доллара – \$. Полагают, что перечеркнутая S появилась в результате наложения друг на друга и букв P и маленькой s справа вверху, которые были аббревиатурой слова «песо» во множественном числе – P's. А другие утверждают, что \$ – сокращение от US (United States), такой штампель ставился на правительственных почтовых сообщениях.

Жизнь бумажного доллара

Доллары печатаются в США круглый год, прерываясь только на Рождество. Причем 95% банкнот печатают для замены изношенных. Несмотря на колоссальную прочность (чтобы порвать долларовую купюру, ее нужно сложить 4 тысячи раз!), 1-долларовая банкнота живет 22 месяца, 5 долларов дотягивают до 2 лет, 10 долларов живут 3 года, 20 – 4 года, а 50 и 100 – 9 лет. Бумага и размер **ВСЕХ КУПЮР** независимо от номинала **ОДИНАКОВЫ!**

Каково бы ни было доблестное прошлое американского доллара, его настоящее и будущее вполне устойчивы. Помните старинный советский анекдот о «падении» доллара? То-то!

Глава 3. С чего начиналась новая Родина

Колыбелью иммиграции в Нью-Йорке был Нижний Ист-Сайд. Условия жизни были суровы, но здесь зарождались социальное самосознание и общинная сплоченность, эффективность которой ощутима и сегодня.

Грейс Пэли

Великий писатель Шолом Алейхем утверждал, что еврею, хоть бы и Ротшильду, жить в России так же уютно, как скрипачу на крыше...

С 1881 года множество евреев селились в Нью-Йорке, а в начале XX века поток еврейской бедноты из Германии, Восточной Европы, России и Греции заполнил Нижний Ист-Сайд (юго-восточную часть Манхэттена). Они жили в тесных многоквартирных домах для рабочей бедноты (*tenements*), торговали вразнос с тележек или трудились в швейной промышленности – и в то же время боролись за социальные реформы, строили синагоги, общинные центры, еврейские театры и создавали газеты. Обретая хотя бы первоначальное благополучие, еврейские иммигранты уезжали отсюда... Через столетие китайские и латиноамериканские иммигранты здесь открыли свои магазины, кафе и храмы, преобразовав заброшенные синагоги в католические церкви и буддистские пагоды. Район постепенно богатеет – вместе с жителями, понемногу застраивается дорогими бутиками, шикарными ночными клубами. В бурно меняющемся Нижнем Ист-Сайде сохраняются остатки яркого еврейского прошлого, но южнее Брум-стрит Нижний Ист-Сайд переходит в Чайна-таун, хотя на пересечении Гранд-стрит и Эссекс-стрит еще являются миру старички в ермолках и черных широкополых шляпах. А вот на уровне Канал-стрит иероглифы полностью вытесняют латинский алфавит и английская речь уже почти не слышна.

Первые на новой земле

К югу от Мотт стрит, на площади Иоанна Богослова (забавно!) сефардские евреи из Бразилии основали старейшее в городе еврейское кладбище First Shearith Israel Graveyard.

Община «Шеарит Исраэль» в Манхэттене была основана в далеком 1654 году, когда первые еврейские беженцы приплыли в Нью-Амстердам из Бразилии, куда они раньше бежали из Португалии, куда, в свою очередь, раньше бежали из Испании... Как всегда, евреи основали в новой стране – в Бразилии – цветущие сады и прекрасные города, построили университеты, синагоги, театры, школы. Развалины этих городов и сегодня показывают туристам. Увы, король Португалии завоевал Бразилию, и евреи вновь оказались перед выбором: креститься или бежать!

В 1654 году 100 евреев нанимают корабль и плывут из Бразилии в Северную Америку. На корабль напали пираты, и только 23 еврея чудом спаслись. Их подобрал французский корабль и высадил на первой же остановке – в Нью-Амстердаме, ныне Нью-Йорке.

Губернатор Питер Стайвесант особо не простирали им объятия, но выделил домик за оградой; однако не разрешил выходить, пока не придет разрешение от голландской королевы и правления Ост-Индской компании. Разрешение пришло, но евреев ограничили в правах. Через год евреи попросили выделить им участок земли под кладбище, и им отвели участок, названный именем общины – «Шеарит Исраэль». После многочисленных петиций для евреев отменили запрет заниматься мелкой торговлей вразнос, владеть землей, нести военную службу... Когда же в 1664 году англичане завоевали Нью-Амстердам и переименовали в Нью-Йорк, гражданские и религиозные права евреев были расширены, а в 1686 году им даже разрешили официальное богослужение. Процесс признания властями еврейской общины в Америке занял более полувека, однако сефардская община в былые времена включала лучших из лучших – например, семью Эммы Лазарус, автора бессмертных поэтических строк, высеченных на пьедестале Статуи Свободы.

Кладбище «Шеарит Исраэль» сохранилось доныне – как общий памятник мужеству и верности вере. И хотя время стерло с могильных плит многие имена, но община доныне благодарно помнит Авраама де Лусека, Сальвадора д'Андрада, Якова Коэн Энрикеса...

Eldridge Street Synagogue

«Терракотовая» синагога, ныне зажата между китайскими ресторанами, рыбными рынками и парикмахерскими, спроектирована и построена в 1887 году евреями из Восточной Европы – братьями Питером и Фрэнсисом Хертерами. Синагога стала духовным домом для первой ортодоксальной восточноевропейской еврейской общины в США. После многих лет импровизированных молитвенных собраний в многоквартирных домах, пекарнях и даже витринах магазинов толпы в синагоге собирались настолько многочисленные (до тысячи человек), что во время главных еврейских праздников район патрулировал конный полицейский. Синагога представляет собой эклектичное смешение мавританского, романского и готического стилей: сводчатые потолки высотой 70 футов, разноцветные витражи, причудливая резьба и фрески. Деньги на постройку этого храма-шкатулки собрали восточноевропейские евреи. Сейчас сюда ходят евреи китайские. Тоже красиво и экзотично.

Lower East Side Tenement Museum

На Эссекс-стрит южнее Гранд-стрит легко отыскать кварталы типичной застройки 1879—1901 годов: дома шириной в четыре окна, по два окна на квартиру. В каждой квартирке жили по 15—20 человек; летом даже внешние пожарные лестницы использовались для жилья... Здесь, на Орчард-стрит расположен уникальный музей – Музей Квартир Нижнего Ист-Сайда (Lower East Side Tenement Museum), который не просто демонстрирует экспонаты, а хранит саму историю, ее душу и атмосферу. Музей целиком занимает пятиэтажный дом – подлинную постройку, типичную для Нижнего Ист-Сайда. Здесь полностью воссозданы несколько квартир, когда-то принадлежавших семьям разных национальностей. В одной квартире разыгрывается история жизни семьи швейников – от рождения сына владельца магазина до траурной шивы по главе семьи, погубленного туберкулезом. В другой можно узнать, как семьи Гумперц и Бальдицци выживали в годы Великих депрессий (начавшихся в 1873 и 1929). А в квартире Конфино раздолье детям: они могут трогать вещи, примерять одежду и приставать с играми к переодетой сотруднице, изображающей Викторию Конфино, девочку из семьи греческих сефардов.

Kehila Kedosha Janina

Это единственная романийская (построенная евреями из Греции) синагога, сохранившаяся в Западном полушарии. Эллинизированные евреи, весьма отличавшиеся от ашкеназов и сефардов, когда-то были разбросаны по всему Средиземноморью, впитывая греческую и османско-турецкую культуры и одновременно внося свой уникальный вклад в их развитие. Группа еврейских иммигрантов из греческого села Янина возвела эту синагогу в 1927 году. Недавно их потомки записали молитвы и отрывки из еженедельных служб и превратили балкон (традиционно зарезервированный для женщин) в простой, но информативный музей. Лекторы всегда под рукой: ведут спонтанные экскурсии, делятся историями и старинными рецептами и даже угощают посетителей печеньями и сладкими напитками, которые специально держат в подвале. Только здесь, и нигде больше на всей планете, можно увидеть романийские футляры для свитков Торы – из оливкового дерева или металла, украшенные изысканной резьбой.

Пиры по-еврейски

Небогатые работающие евреи, живущие в районе Нижнего Ист-Сайда из поколения в поколение, приучили рестораторов подавать им еду только отменного качества за деньги, заработанные тяжким трудом. Ныне кошерные и еврейского стиля пиры популярны у местных жителей и туристов любой национальности.

На Хьюстон-стрит, на пересечении с Ладлоу-стрит находится одна из главных кулинарных достопримечательностей Нижнего Ист-Сайда – Katz’s Delicatessen, старейшая закусочная в Нью-Йорке и к тому же единственная, где всевозможные колбасы все еще нарезают вручную. Интерьер, меню и огромный шумный зал выглядят точно так же, как в 1910 году, когда семья Кац приобрела эту закусочную. По особым рецептам готовят мягкую салями, ливерную колбасу, сардельки, сосиски, кныши и суп с фрикадельками из мацы. С потолка свисает указатель, направляющий взгляды к столу, где Мэг Райан и Билли Кристал играли в эпизоде фильма «When Harry Met Sally» (помните, как Мэг изображает оргазм над тарелкой, а вдохновленная ею дама за соседним столом просит: «Принесите мне то же самое!»). Фотографии знаменитостей облепляют стены; неоновые вывески призывают: «Send a salami to your boy in the army» и хвастаются: «No connection with any other store».

Неподалеку от Katz’s Delicatessen находится еврейский магазинчик Russ & Daughters; вид его рыбных прилавков издали приводит в восторг. А пирожковая Yonah Schimmel Knish Bakery основана еще в 1910 году и прославлена лучшими в мире картофельными кнышами; здесь гостеприимно принимали самого Льва Троцкого и предлагали то же самое меню из нескольких сортов кнышей, домашнего супа и фирменного йогурта, что и сегодня. А в кафе Doughnut Plant, также открытом в 1910 году, пекут лучшие в Нью-Йорке домашние пончики.

Ресторан Sammy’s Roumanian Steakhouse тоже поражает контрастом неказистого внешнего вида и великолепного внутреннего содержания: крошечный подвальчик с незаметной вывеской удивит бесподобной румынско-еврейской кухней и уникальной музыкой неповторимого Дани Лува, в репертуаре которого и классические джазовые композиции, и зажигательные еврейские и румынские напевы. Под его музыку танцуют самые усталые и солидные посетители. Фотографии, которыми плотно, как обоями, оклеены стены ресторанчика, говорят о популярности Дани больше, чем любые газеты. За столетнюю историю заведения его посетили практически все нью-йоркские и очень многие приезжие знаменитости. Молодой американец китайского происхождения пишет в книге отзывов: «В этом ресторане я бы хотел быть евреем. Американские евреи и китайцы вообще похожи: живут в диаспоре и предпочитают безопасные пути в карьере. И мы, американские китайцы, вместе с нашими американскими евреями классно провели время: хлопнули водку со льдом, заели солеными огурчиками, поздравили с бармицвой пацана за соседним столиком и ринулись танцевать еврейские танцы. Закусили сначала рубленой печеню с луком и куриным жиром (а кто не любит есть внутренние органы, валите отсюда, я с вами не дружу!). А пироги вообще были лучшими, что я ел в своей жизни!»

На крыше Красной Площади

На крыше многоквартирного дома на Хьюстон-стрит призывно вздымает руку Ленин. Рядом с вождем стоят часы, на циферблате которых перепутаны все цифры. Скульптуру привез из Советского Союза в 1989 году Майкл Розен, владелец и проектировщик дома, бывший профессор социологии Нью-йоркского университета: «Когда я строил этот дом, мне хотелось как-то его выделить. Я назвал его Красным Квадратом. За форму и цвет. А потом привез статую Ленина. Получилась настоящая Красная Площадь, благо слова „квадрат“ и „площадь“ в английском обозначаются одним и тем же словом. Дом, как и Ильич, апрельский: в эксплуатацию сдан 9 апреля 1989 года. Тогда американская экономика переживала очередной кризис. „Последняя стадия капитализма“, как и предвидел теоретик мировой революции, – время беспокойное, о чем и свидетельствуют часы с непонятным временем. Я поставил Ленина лицом к Уолл-стрит – наблюдать за экономической моделью капиталистического общества. До переезда в США статуя пылилась на подмосковной даче автора – скульптора Юрия Герасимова».

Почему мы говорим о Ленине в контексте еврейского Нью-Йорка? А по дедушке. Ленин – результат смешения многих кровей: русской (папин папа), калмыкской (папина мама), немецкой (мамина мама) и еврейской; евреем был мамин папа, замечательный врач Александр Дмитриевич Бланк, за особые заслуги перед отечеством получивший звание потомственного дворянина, правда, лишь после того, как крестился.

Настал день, когда многое множество евреев из России переселились в Америку, дабы не оставаться скрипачами на неуютной крыше. И даже вождь российской революции здесь оказался – волею американского еврея Майкла Розена. Правда, все-таки на крыше. Но ведь и не скрипачом. Твердо стоит, высоко воздев тяжелую железную руку, указующую тупиковый путь в кровавое будущее одной, отдельно взятой, покинутой, далекой страны.

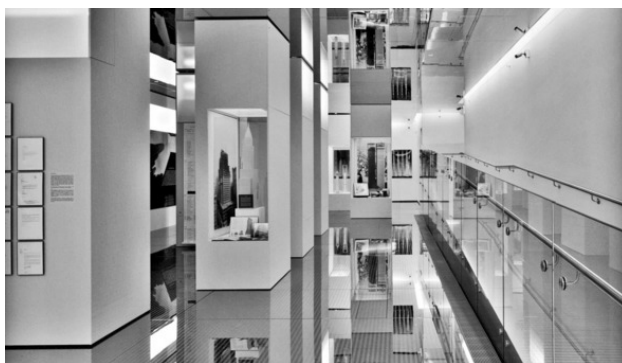
Глава 4. Земные высоты

Музей небоскребов – это только преддверие, настоящий музей небоскребов – это сам Нью-Йорк.

Архитектор музея небоскребов Роджер Дюффи

Музей небоскребов посвящен истории, настоящему и будущему высотных зданий в США. Где, как не в этом городе, насчитывающем наибольшее число высотных зданий в мире, должен существовать подобный музей? Небоскреб – символ Нью-Йорка, а Нью-Йорк – символ Америки. По словам директора и основателя музея Кэрол Уиллис, линия горизонта с силуэтами небоскребов – символ «города Большого Яблока», именно здесь этот тип зданий появился и развился.

Музей, в отличие от самих небоскребов, невелик: он занимает всего две галереи, расположенные на двух этажах.

Небольшой зал двухэтажного музея полностью обшит полированными до зеркального блеска стальными листами. «Вертикальный Версаль» архитектора Роджера Дюффи из бюро «Скидмор, Оуингс и Меррилл» зрительно удваивает пространство. Блестящий пол из нержавеющей стали и высокий зеркальный потолок также создают иллюзию пространства. А экспонаты размещены так, чтобы не затенять друг друга. Большинство экспонатов посвящено «золотой эре» высотного строительства – 1912—1930 годам, когда появились Крайслер Билдинг и Эмпайр Стейт Билдинг: чертежи, уникальные фотографии и макеты.

Кэрол Уилсон говорит: «Мы рассказываем о начале эры строительства небоскребов и стараемся представить ее не только в архитектурных и инженерно-технологических аспектах. Мы рассказываем о финансировании проектов, о руководителях, о новинках в организации строительства, об утилизации пространства, в частности о делении на рабочие и жилые зоны. Посетителям открывается горизонтальное повествование о вертикальных сооружениях».

Но архитектор музея Роджер Дюффи заметил: «Музей – это только преддверие, настоящий музей небоскребов – это сам Нью-Йорк».

Почетное место в музее занимает фотолетопись строительства самого знаменитого довоенного здания Нью-Йорка Эмпайр-стейт-билдинга. Это уникальное во многих отношениях сооружение было закончено в 1931 году. Взгляните на фотографию церемонии сдачи в эксплуатацию Эмпайр-стейт-билдинга. Рабочие стоят на лесах вокруг шпиля здания, на котором они только что укрепили американский флаг. На лицах у всех сияют улыбки. Людей переполняет гордость за то, что им выпала честь создания самого высокого в мире сооружения.

Спонсором музея стала строительная фирма «Tishman», которая в свое время возводила башни-«близнецы» Всемирного торгового центра, а позже получила контракт на постройку

этом месте Башни свободы. Сотрудник фирмы Ричард Килар говорит: «Со времени трагедии 11 сентября в Нью-Йорке небоскребы привлекают повышенное внимание. Нужны ли такие здания? Насколько они безопасны?.. Появление этого музея оказалось удивительно актуальным».

После 11 сентября 2001 года отношение к небоскрегам изменилось – теперь это и символы хрупкости западной цивилизации.

Небоскреб (калька с английского слова Skyscraper) – это, по определению, свободно стоящее сооружение, равномерно распределенное по вертикали на этажи, предназначенные для жизни и работы людей, с высотой последнего этажа не менее 152 м. Небоскребы выше 300 м называют сверхвысокими. В русском языке есть также термин «высотное здание». До XIX века здания высотой более шести этажей строились крайне редко: неудобно было подниматься по лестницам на большую высоту. Кроме того, водяные насосы позволяли поднимать воду не более чем на 15 м. Развитие технологий строительства из стали и железобетона, а также появление водных насосов и лифтов позволили в десятки раз увеличить высоту зданий, что особенно востребовано в мегаполисах, где велика стоимость площади застройки.

В 2010 году в мире насчитывалось больше полутора тысяч небоскребов, четыре десятка из них – сверхвысокие.

Самые первые

Самым первым небоскребом принято считать построенное в 1885 году в Чикаго здание Home Insurance Building. Первоначально в нем насчитывалось всего 10 этажей, а в 1891 году надстроили еще два. Автор – архитектор Уильям Ле Барон Дженни. В том же 1891 году по проекту архитектора Луиса Салливана в Сент-Луисе строится 11-этажная башня Уэйнрайта, ставшая прародителем современных небоскребов: здесь впервые применили технологию несущего стального каркаса, основная идея которой заключается в отказе от несущих стен. Их функцию выполняет стальной каркас, к которому крепятся все остальные элементы здания, в том числе стены.

Из истории

В 1916 году в США был принят Zoning Law – закон, по которому небоскребы должны строиться «ступеньками», чтобы не затенять соседние здания и не мешать циркуляции воздуха. Одно время закон соблюдали... В 70-е годы XX века началась гонка за право называться самым высоким зданием в мире. Разнообразие форм архитектурных конструкций усложнило сравнение высоты зданий. При составлении рейтинга высотных зданий используют критерии, разработанные Советом по высотным зданиям и городской среде. Согласно этим критериям, зданием является строение, используемое в качестве жилого, офисного (коммерческого) или производственного помещения. То есть этот рейтинг заведомо не включает теле- и радиобашни.

Совет предлагает четыре критерия измерения высоты здания (от уровня тротуара перед главным входом в здание):

– *конструктивная высота здания – высота от уровня тротуара до наивысшей точки конструктивных элементов здания (включая шпиль и исключая телевизионные и радиоантенны и флажки).*

– *до наивысшего доступного этажа – высота здания до уровня пола наиболее высокого доступного этажа.*

– *до наивысшей точки крыши – высота здания до самой высокой точки крыши.*

до кончика антенны/шпиля – высота здания до самой высокой точки антенны, шпиля и т. п.

Первый критерий – основной.

Экономическое чудо Азии

Некогда Америка (Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес) царила над миром по количеству и высоте небоскребов. В последние годы пальму первенства перехватывают динамично развивающиеся страны Азии – Малайзия, Тайвань, Сингапур: здесь за последние полтора десятилетия воздвигли восемь из десяти высочайших зданий мира. Очевидно стремление вернуть мировое господство в земных высотах: ведь задолго до появления западной цивилизации самым высоким сооружением в мире была пирамида Хеопса...

Новые европейские

В Европе нет небоскребов-рекордсменов, но в последние годы здесь значительно возросла доля высотных жилых домов в общей массе. Так, почетный приз конкурса на лучший жилой дом недавно получил уникальный 54-этажный дом Turning Torso («вращающийся торс»), построенный в шведском городе Мальме по проекту архитектора Сантьяго Калатравы. Прообразом гигантского здания стала мраморная статуя Калатравы «Вращающийся торс». Увидев статую, директор шведской компании HSB Malmo Джонни Орбек попросил архитектора разработать проект жилого дома, в основе которого лежала бы идея вращающихся секций. И здание Turning Torso словно поворачивается от первого этажа до последнего на 90 градусов, что обеспечивает живописный вид из окон всем жильцам. Всего в Turning Torso 147 квартир и 10 этажей, занятых офисами. Все пространства решены в стиле рационального минимализма. Аксессуары – дверные ручки, выключатели, плинтусы и т. д. – также выполнены в едином стиле и единой бежево-серой цветовой гамме. Даже кухни отделаны серым гранитом. Трудно здесь только мыть окна: эта услуга включена в арендную плату.

Революция в умах

Строительство отдельных небоскребов и их групп помимо собственно экономических целей (средоточие деловой активности в отдельно взятом районе, суммарное сокращение затрат на жизнеобеспечение компании и т. д.) преследует далекоидущие стратегические цели. В ряде случаев введение высотной доминанты позволяет резко поднять престиж не только отдельного, нередко малопопулярного района, но и города в целом. Примеров тому масса: Canary Wharf в Лондоне, Defense в Париже и, наконец, ММДЦ «Москва-Сити» в российской столице. Все эти некогда заброшенные промышленные районы претерпевают второе рождение и становятся центрами новых деловых, а главное – престижных районов, вокруг которых застраиваются и реконструируются все новые и новые кварталы.

Так, например, Canary Wharf в течение нескольких столетий была главной лондонской пристанью. В 80-е гг. прошлого столетия правительство страны приняло стратегическое решение о развитии территории. В этих целях в 1981 г. была образована специальная корпорация. После того как были закрыты все верфи, здесь разместился современный финансовый и деловой центр Доклэндс. Центральным ядром Доклэндс является так называемый Собачий остров (Isle of Dogs). Здесь возвышается самое высокое здание Великобритании – 237-метровая башня One Canada Square. Здание построено по проекту американского архитектора Сезара Пелли, одного из авторов разрушенного в результате атаки террористов Международного торгового центра. Не менее интересна и история парижского «Сити» – района Дефанс. Его начали застраивать в 1950-е гг., лелея идею о проведении в Париже престижного салона Worldexpo-1958. В итоге выставка состоялась в Брюсселе. А Дефанс развивается и по сей день, продолжая всерьез соперничать с лондонским Сити. Сегодня здесь свыше 3 млн кв. м офисных площадей, где размещается более 1,500 компаний. В Дефанс работает свыше 150,000 служащих и проживает свыше 20,000 человек. Кроме того, в районе около 210,000 кв. м торговых площадей, более 2,500 гостиничных номеров и почти 31 га эспланад и пешеходных зон. Правильно спроектированные высотные здания способны до неузнаваемости изменить облик города. По окончании строительства небоскреба Мальме – третий по величине город в Швеции – резко набрал очки, став европейской легендой, ведь на сегодня Turning Torso – самый высокий в Европе жилой дом. Архитектор Сантьяго Калатрава реализовал проект Fordham Spire в Чикаго. Американский «близнец» масштабнее – 610 м высоты против 190 м у Turning Torso. В здании 115 этажей. Угол поворота Fordham Spire составил 270 градусов против 90 градусов у шведского небоскреба. Возможно, власти Чикаго втайне мечтают о возвращении городу былой славы – родины самого высокого здания мира.

Высотные здания – высокое искусство

В мировой архитектуре намечается еще одна любопытная тенденция, связанная с небоскребами: работать над проектами высотных зданий стало престижно. Знаменитые архитекторы не хотят отставать от модных тенденций и активно включились в строительство высотных зданий. Все больше и больше международных компаний предпочитает строить свои штаб-квартиры в виде высотных зданий. Удачно спроектированные офисные здания могут весьма положительно повлиять на репутацию компании.

Отступление от маршрута 2. Управление искусством и искусство управления

*Есть что поглядеть московской братве.
И за день в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк. Это Бродвей. Гау ду ю ду!
Владимир Маяковский «Бродвей»*

В годы пребывания на посту мэра Нью-Йорка Майкл Блумберг сделал для развития искусства в Нью-Йорке больше, чем кто бы то ни было в истории столицы мира за последние лет тридцать как минимум. Ибо Блумберг не зритель по природе своей, а активный участник: ему больше нравится самому бежать, чем смотреть марафон по телевизору, легче выучить испанский, чем следить за титрами, больше по душе принимать решения, чем слушать споры.

Благодаря усилиям мэра Блумберга каждый уголок города теперь украшен произведениями монументального жанра во всем их разнообразии: от скульптуры Роя Лихтенштейна «Элемент Е» в Твид Корт до невероятной оранжевой инсталляции «Ворота», установленной Кристо и Жан-Клодом одной морозной зимой в Центральном парке (за этот проект мэр лично сражался почти десять лет, в результате проект привлек почти 10 млн туристов, а городская казна получила 254 млн долларов). Городская комиссия по искусству поднялась на высший уровень власти, получив право решающего голоса в каждом заметном проекте Нью-Йорка.

Мэр Блумберг основал премии по искусству от города и неустанно пытался найти дополнительные средства для малобюджетных учреждений искусства. Его администрация закупила многие интересные произведения современных художников для Сити Холла и Грэйси Мэнсон. Даже обложка столь прозаического творения городского правительства, как «Зеленая книга» (путеводитель по бизнесам города), ныне украшена работой современного художника. Кстати, книга из зеленой превратилась в шафрановую – в честь «Ворот».

Мэр Блумберг полагал, что искусство должно начинаться с детства, – и поэтому он ввел впервые искусство как предмет в школьное расписание. Мэр Блумберг верил, что искусство должно начинаться со своего района, – и поэтому он ввел политику наибольшего благоприятствования для каждой маленькой галереи в Челси, что, между прочим, имело невероятный успех, в том числе коммерческий. Что касается малых фирм, занимающихся искусством, то мэр всецело поддерживает мнение Руби Лернер, президента общественной организации «Творческая столица»: «Каждая крошечная студия с офисом на кухне, приносящая жизнь,

энергию и радость в великую столицу искусства Нью-Йорк, не менее важна, чем музей Метрополитен. Художники стремятся сюда, потому что в нашем городе есть уникальная динамическая смесь государственного и индивидуального, коммерческого и бесприбыльного, плывущего по течению и сражающегося против течения; здесь есть невероятное культурное и эстетическое разнообразие, и в каждой творческой душе Нью-Йорка живет яростное стремление к соревнованию, к новым достижениям на самом высоком уровне».

При всем том мэр Блумберг остается человеком истинно деловым: он хорошо знает, что искусство приводит в город Нью-Йорк туристов и вообще людей с тонким вкусом и широким карманом. Во всемирно известном городе должны быть здания, построенные знаменитыми архитекторами, и произведения искусства, принадлежащие знаменитым художникам. В свою очередь, всемирно известный город привлекает крупные фирмы, общественные капиталовложения и международную прессу. То есть, искусство – это хороший бизнес.

Администрация мэра была вначале непосредственно вовлечена в мир искусства только благодаря электронным скульптурам в Твид Корт. Затем Сити Холл украсили гигантские надувные фигуры, а в скором времени бывшие церемониальные залы мэрии превратились в художественную галерею, куда перекочевали изумительные работы из запасников музея Уитни. В конце первого же года пребывания в должности мэра Блумберг восстановил награду имени Дорис Фридман – первого городского руководителя департамента искусств. А скрежещую музыку, звучащую в телефонах Сити Холла в режиме ожидания, заменили звуки концерта Уинтона Марсалиса из Джазового оркестра Линкольн Центра. Огромный город стал меняться на глазах: произведения искусства и парковые скульптуры появились во всех пяти районах Нью-Йорка при непосредственном участии администрации мэра Блумберга. Но тогда никто не обратил на это особого внимания: город находился в глубочайшем финансовом кризисе и в тяжелейшем состоянии духа после атаки террористов; в Бруклине закрыли многие пожарные станции, и обычные пассажиры под землей не дремали, а подозрительно разглядывали соседей по метро... Однако именно в эти дни Майкл Блумберг пожертвовал десять миллионов долларов из своих собственных денег корпорации Карнеги для поддержки 162 малых и средних учреждений культуры по всему Нью-Йорку, в среднем подарив от \$25,000 до \$100,000. Мэр повторил этот благородный жест трижды; наибольшее его пожертвование составило 20 миллионов долларов.

Отношение Блумберга к искусству – не временное увлечение, но абсолютно необходимое. Давнее. И навсегда.

Глава 5. Близнецы-небоскребы

*Асфальт – стекло. Иду и звеню. Леса и травинки – сбриты.
На север с юга идут авеню, на запад с востока – стриты. А между –
(куда их строитель завез!) – дома невозможной длины. Одни дома длиною
до звезд, другие – длиной до луны.*

Владимир Маяковский

Плачем мы и доныне по погибшим и пострадавшим людям, эта боль до конца с нами останется. Но тогда, в первые дни после 11 сентября 2001 года, мы еще не осознали непоправимость иных потерь: в нашу жизнь вошли зияющие пустоты – или зияющие высоты? – на месте башен-«близнецов». А ведь мы их не очень-то и любили: ну что за красота такая – два колоссальных серых кирпича, поставленных вертикально? Теперь, когда их больше нет, этих зданий, они кажутся нам прекрасными, величественными, символически простыми. Силуэт Нижнего Манхэттена с юга (со стороны залива) благодаря башням-«близнецам» был таким узнаваемым, естественным, даже домашним – несмотря на всю его грандиозность...

Вначале эти здания пытались назвать «Дэвид» и «Нельсон» – в честь братьев Рокфеллеров, представителей третьего поколения легендарной семьи миллиардеров, начавшейся с Рокфеллера-старшего – основателя нефтяного гиганта StandardOil. Без великой энергии, огромного капитала и самоотверженного труда Дэвида и Нельсона ничего бы из этого грандиозного проекта не получилось, ведь до них долго и не получалось. Однако народное мнение, как всегда, победило: практически одинаковые башни (за исключением шпиля антенны на одной из них) Всемирного Торгового Центра стали башнями-«близнецами», и так ими и остались в нашей памяти.

А Дэвид и Нельсон Рокфеллеры никак на близнецов не походили.

Старший брат Нельсон, красавчик и спортсмен, был известен вспыльчивым, честолоубивым и властным характером и, кроме того, пылким интересом к женщинам, как правило, отвечавшим ему столь же бурной и страстной взаимностью. Нельсон Рокфеллер сделал серьезную политическую карьеру: почти полтора десятилетия его избирали губернатором штата Нью-Йорк; в администрации президента США Джеральда Форда он был вице-президентом и реальным кандидатом на пост президента после Форда; но когда Нельсон, увы, развелся и женился на своей давней любовнице Хэппи Мерфи, то многие считали, что именно этот скандал стоил ему президентского кресла. Впрочем, такой царственный жест вполне в духе Нельсона Рокфеллера: плюнуть на высокую карьеру ради любимой женщины.

Его младший брат Дэвид был любимым внуком Рокфеллера-старшего с момента своего появления на свет 12 июня 1915 года (то есть в 2015 году ему перевалило за сто лет; в одном из интервью того времени Дэвид сказал о башнях-«близнецах»: «Я видел, как они росли, и, к несчастью, видел, как они рухнули»); во многом он походил на деда. В детстве был молчалив и любил одиночество. Спокойный и мирный характер сохранил до глубокой старости; однако же, сохраняя все то же мирное спокойствие, принял самое активное участие во Второй мировой войне: лично создавал разведывательную сеть в Алжире в 1942—43 гг., служил с де Голлем. Позднее весьма успешно занимался бизнесом, финансами и дипломатией одновременно. Стал одним из крупнейших филантропов планеты. Всю жизнь преданно любил свою супругу, которая родила ему шестерых детей. Увлекался жуками, даже открыл несколько новых видов, а редкий скарабей, найденный высоко в горах Мексики, был даже назван в его честь — *Diplotaxis Rockefelleri*. Несколько десятилетий возглавлял банк Chase Manhattan и понемногу превратил его в знаменитейший банк всемирного уровня; именно с нового 60-этажного небоскреба Chase Manhattan началось возрождение Нижнего Манхэттена.

И пусть не прижились поименные названия башен в честь братьев Рокфеллеров, но благодарная память о них навсегда осталась в нашем прекрасном городе.

Идея строительства всемирного торгового центра в Нью-Йорке родилась в 1946-ом — первом послевоенном году, в преддверии расцвета международной торговли. На согласование, проектирование и подготовку строительства ушло двадцать лет (о, бюрократы!). Вела грандиозный проект могущественная организация Port Authority, ответственная за инфраструктуру внутри кольца радиусом 40 км со Статуей Свободы в центре. Главным архитектором стал Минору Ямасаки, истинный и честный победитель по результатам небывалого конкурса, человек очень типичной американской успешной судьбы, сам себя сделавший: он родился в Сиэттле в семье нищих японских иммигрантов; чтобы заработать на учебу в колледже, работал по 14 часов в день на рыбопромысловых судах на Аляске...

Дороговизна земли породила стремление американских архитекторов ввысь. Сама возможность строить многоэтажные дома появилась благодаря тому, что в 1880-х изобрели лифты и мощные водяные насосы, а главное — придумали стальные каркасы вместо тяжеловесной каменной кладки. С тех пор миру явилось множество изобретений, и теперь в Манхэттене нет двух одинаковых зданий или комплексов: кроме оригинального архитектурного дизайна, нужно пройти еще и конкурс на оригинальное инженерное решение. Так, конструкция Всемирного Торгового Центра был уникальной для того времени: все стены этих небоскребов были несущими, опирались на высокопрочные стальные колонны и выдерживали любые боковые нагрузки. К тому же на колоннах был распылен огнестойкий материал, сравнительно легкий, колеблющийся от ветра вместе со зданиями.

И все-таки сам Минору Ямасаки, знаменитый и удачливый творец поднебесных зданий, сказал однажды: «Если бы у меня не было никаких ограничений, то я бы проектировал одноэтажные дома. Как, должно быть, приятно планировать пространства, заполненные цветущими садами...»

Комплекс из семи зданий, среди которых над всеми остальными и над всем городом величественно довлели две башни по 110 этажей, был официально открыт 4 апреля 1973 года. Высотный дизайн Ямасаки отражал его собственный страх высоты и стремление создать субъективное ощущение безопасности (так, например, окна небоскребов непривычно узки, зато можно опереться на оконную раму с двух сторон). Всемирный Торговый Центр стал одним из наиболее ярких американских реализаций архитектурного стиля Ле Корбюзье и готических модернистских тенденций самого Ямасаки. В проекте башен-«близнецов» очевидно также итальянское влияние: форма и расположение их напоминают башни средневекового итальянского города Сан-Джиминьяно, готические арки — как у Дворца Дожей в Венеции...

В первые годы работы Всемирного Торгового Центра основными арендаторами зданий были правительственные организации, однако в начале 90-х здесь открыли свои офисы уже более 500 частных компаний. Всего в зданиях были представлены фирмы из 29 стран мира, вносящие ежегодно арендную плату около 110 млн. долларов.

Еще немного цифр и фактов: Всемирный Торговый Центр считался крупнейшим в мире вплоть до 11 сентября 2001 года; высота Северной Башни (без антенны) – 417 м, Южной – 415 м, антенны – 104 м; всего здесь работали 50 тысяч человек; в подвалах башен хранилось 3800 золотых слитков общим весом 12 тонн и стоимостью 100 миллионов долларов, а также серебро на 120,7 млн. долларов; у башен-«близнецов» были собственные почтовые индексы (как у целых городских районов): 10047 и 10048; ежедневно здесь бывало до 200 тысяч посетителей, в том числе каждый президент США посетил Всемирный Торговый Центр хотя бы однажды; до 1982 года (пока не подорожало электричество) в здании вообще не было выключателей света – свет горел всегда; здесь находились центральные офисы шести крупных банков, пяти инвестиционных компаний и трех страховых; знаменитая американская финансовая компания American Express занимала три этажа; под великолепной площадью (плазой, пьядцей – площадь эта была достойна самого эффектного имени) располагался комплекс разнообразных роскошных магазинов – молл, ниже молла построили подземный гараж на 2000 мест. На уровне седьмого этажа проходил железнодорожный туннель с интенсивным движением грузовых поездов.

Первоначально отношение нью-йоркцев и гостей города к Всемирному Торговому Центру было весьма прохладным. Потом к башням-«близнецам» привыкли, затем перестали замечать, наконец, полюбили и даже начали гордиться. Та же история, что с Эйфелевой башней, та же закономерность человеческого восприятия.

Королева Британии Елизавета Вторая сказала однажды: «It has always been easy to hate and destroy. To build and to cherish is much more difficult» («Всегда было легко разрушать и ненавидеть. Строить и хранить гораздо сложнее»). На эту тему есть у Андерсена сказка «Самое невероятное» о замечательном изобретателе; он создал необыкновенные, казалось бы, совершенно невероятные часы; но «самое невероятное» совершил «высокий мускулистый парень»: он занес над чудесными часами тяжелый топор... «Трах! – и все было разбито вдребезги!»

Всемирный Торговый Центр, который строился семь лет и простоял тридцать лет, был разрушен за 102 минуты.

Первая попытка уничтожить Всемирный Торговый Центр была предпринята 26 февраля 1993 года: на территорию подземной парковки Северной башни въехал грузовик, везший 680 кг взрывчатки, за рулем сидел некто Исмаил Айяд, рядом – некто Рамзи Юзеф (в те времена еще не появились в таком множестве смертники, так и эти оба не были готовы пожертво-

вать собой и успели убежать, но были пойманы и приговорены к пожизненному заключению – почему, кстати, только к пожизненному, а не к смертной казни? Вот уж кто наверняка заслужил не одну, а тысячи последних смертельных инъекций, как, впрочем, и их вдохновитель – Слепой Шейх. Кровь за кровь, пусть даже их проклятая кровь не искупила бы страдания жертв). Грузовик взорвался. Шесть человек было убито и более тысячи ранено. Башня же – устояла! В память о жертвах 1993 года построили зеркальный пруд с именами погибших.

Одиннадцатого сентября 2001 года в результате атаки террористов погибли все семь зданий комплекса: три самых высоких строения рухнули, отель «Марриотт» был почти полностью уничтожен обломками, остальные три здания были признаны непригодными к восстановлению и позже снесены. непоправимый урон был нанесен и 40-этажному зданию Дойче Банка, позже тоже демонтированному. И зеркальный мемориальный пруд с именами погибших в результате первой атаки террористов тоже был разрушен.

Место гибели Всемирного Торгового Центра нарекли Ground Zero, Нулевой Уровень... С нуля, с самого начала, но на том же самом месте возвели новый комплекс зданий и мемориал, в том числе музей 11 сентября.

В 2009 году в Израиле открыли кенотаф (символическую гробницу, не содержащую реальных человеческих останков) в память о людях, безвинно погибших от рук террористов в катастрофе 11 сентября, – единственный в мире мемориал за пределами США, включающий имена всех невинно убиенных в тот день, в том числе, естественно, имена пятерых граждан Израиля. Мемориал, расположенный в 20 милях от центра Иерусалима, на вершине холма, воздвигнут в стране, ставшей самым верным и искренним союзником Америки, будь то в богатстве или бедности, во здравии или болезни. Памятник высотой в 30 футов работы талантливого современного скульптора Элиезера Вайсхоффа представляет собой американский флаг, развевающийся на ветру и напоминающий по форме взметнувшийся и застывший язык пламени. В основании флага в фундамент вмонтирован кусок расплавленного металла, взятый из руин Всемирного торгового центра (значит, хотя бы малая часть человеческих останков в могиле все-таки есть?), на котором на иврите и английском выбита надпись: «Этот металл взят из останков того, что было когда-то башнями-„близнецами“, взорванными в катастрофе 11-го сентября, и посланный в Израиль городом Нью-Йорком, чтобы стать частью мемориала. Этот кусок металла, как и весь монумент, является символом особых дружественных отношений между Нью-Йорком и Иерусалимом и выражением благодарности Керен Кайемет ЛеИзраэль – Национальному Еврейскому Фонду, инициатива и щедрость которого помогли воздвигнуть этот мемориал». На металлической плите выбиты имена всех погибших 11 сентября, и кажется, что у этого списка нет ни начала, ни конца.

Глава 6. Новый Всемирный Торговый Центр

Пока что им не светит разрушение – Тем мощным зданиям. Видно по всему, Что ныне есть от Бога разрешение Постройками приблизиться к нему.

Маргарита Мыслякова

Я часто люблюсь новым замечательным комплексом Всемирного Торгового Центра, в котором особенно величественно выглядит Башня Свободы (пусть даже ныне скучно именуемая – нумеруемая? – One World Trade Center, но народ все равно называет ее Башней Свободы, и я с народом вместе): в нее упирается прямой светлый широкий проспект, который выглядит как взлетная полоса аэродрома, – а Башня словно взлетает к небесам. Конечно, красивее старого этот новый, другой комплекс. Но в сердце моем – и многих, многих жителей Нью-Йорка – жив тот, прежний, погибший, разрушенный Всемирный торговый центр... Ничем не заменить, никогда не забыть. Так думал и несчастный отец, штабс-капитан Снегирев, в ожидании неминуемой смерти сына Илюшечки, в романе Достоевского «Братья Карамазовы»: «Не хочу хорошего мальчика! не хочу другого мальчика! – прошептал он диким шепотом, скрежеща зубами, – аще забуду тебе, Иерусалиме...» Если забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука, – так плачет царь Давид в великом Псалме 136 «На реках Вавилонских»... И мы не забудем.

Но идея устроить только мемориал на месте гибели прекрасных людей и прекрасных зданий не нашла достаточно сторонников. Причин тому много: и прагматические (слишком дорого стоит земля в Нижнем Манхэттене), и моральные (никакие террористы не заставят нас прекратить стремиться ввысь в архитектуре нашего города), и эстетические (немыслимо оставлять пустоты в береговой линии), да мало ли... Впрочем, новый комплекс включает также мемориал и мемориальный музей.

Конкурс на лучший проект застройки территории взорванных башен-«близнецов» выиграл архитектор из Берлина Даниэль Либескинд. Как сказал Либескинду председатель жюри конкурса Джеймс Уайтхед: «Ваш гениальный, захватывающий дух и одновременно практичный проект несет надежду и одухотворенность нашему городу, который еще не оправился от ужасной трагедии. Ваш ансамбль служит двум целям: почтить память погибших и вселить оптимизм в живущих».

Даниеля Либескинда называют архитектором третьего тысячелетия. Судьба его, дар и идеи – абсолютно необычны. Он родился в первый послевоенный год в семье польских евреев, чудом спасшихся в годы Второй мировой войны; после войны родители Даниэля вернулись в Польшу, но их встретили весьма холодно, и семья репатриировалась в Израиль. Здесь проявился музыкальный дар мальчика, и вскоре, совсем юным, он стал известным музыкантом, по всему миру выступал с концертами. В 16 лет Даниэль получил в США стипендию для продолжения своего музыкального образования. И тут он из всех многочисленных возможностей... выбрал архитектуру (но ведь архитектура и есть застывшая музыка?). Архитектура Либескинда была необычной, небывалой, невероятной, воистину из нового тысячелетия. Таким стал и его проект нового Всемирного Торгового Центра. В нем предусматривались подземные этажи глубиной в 20 метров, ассиметричная башня (самая высокая в мире, и силуэт ее должен был перекликаться с силуэтом Статуи Свободы), несколько садов, залы для проведения выставок и конгрессов и, конечно, оригинальные офисные помещения.

Однако проект Либескинда претерпел многочисленные изменения: арендатор Ларри Сильверстайн и архитектор Дэвид Чайлдс из соображений безопасности отодвинули главную башню (нет, пусть все-таки за ней остается название Башня Свободы) от автомагистрали, изме-

нили форму здания на более устойчивую, а основание и цоколь покрыли листами взрывоустойчивых металлов – титана и нержавеющей стали. Дополнительными элементами безопасности стали широкие лестницы (в том числе отдельные, построенные специально для пожарных), лифты повышенной прочности и стены толщиной почти в метр. «Это будет самое прочное здание из всех, где мне доводилось бывать», – заявил Чайлдс. Высоту башни, тем не менее, оставили столь же символической, что и в первоначальном плане – 1776 футов (541,4 м), что означает 1776-ой год – год провозглашения независимости США.

Новый комплекс Всемирного торгового центра в Нью-Йорке открыл свои двери спустя 13 лет после гибели башен-«близнецов» – 11 сентября 2014 года. Комплекс состоит из пяти зданий, занимающих 16 акров площади; в их числе мемориал и уникальная грандиозная транспортная развязка. «Пейзаж Нью-Йорка восстановлен», – заявил Патрик Фой, исполнительный директор Port Authority, портовой администрации Нью-Йорка, владеющей этим участком земли.

Всемирный Торговый Центр-1 (Башня Свободы) – центральное и главное здание в новом комплексе. Этот небоскреб пока что (полагаю, ненадолго) самый высокий в Нью-Йорке, а также в США, а также во всем Западном полушарии. Центром его стал огромный холл высотой 24 метра, откуда осуществляется доступ к офисам на верхних этажах, а также к ресторанам, выставочным площадкам и информационным центрам. А на подземном уровне расположены специальные вестибюли, соединяющие здание с нью-йоркским метро и железнодорожными линиями. Снаружи здание облицовано голубоватым стеклом, причем на нижнем уровне облицовка выполнена из стекол необычной призматической формы. С антенны в небо светит луч света, который должен быть виден в воздухе до высоты в 300 метров.

Всемирный Торговый Центр-2 построен по проекту лондонского архитектора Нормана Фостера, дополненного уникальными консольными конструкциями молодого датчанина Бьорка Ингельса. Конструктивная идея Ингельса совершенно замечательна: связать две новые

башни общим вертикальным пространством, породнить их, хоть и не-близнецов, побратать. В этом небоскребе 88 этажей, его высота 1349 футов.

Третья башня будет завершена в 2018 году. Над ней работает Ричард Роджерс, итало-британский архитектор, лауреат приза Прицкер – Прицкеровской премии, присуждаемой ежегодно за достижения в области архитектуры. Нобелевская премия по архитектуре не вручается, что побудило американскую семью Прицкеров в 1979 году учредить собственную архитектурную премию. Между прочим, основателем династии Прицкер был иммигрировавший в Чикаго из Киева адвокат Николай Прицкер.

В четвертом здании комплекса 72 этажа, его высота 977 футов. Автор проекта – токийский дизайнер Фумихико Маки, тоже лауреат приза Прицкер. Один из критиков назвал это здание «мерцающим совершенством»; Американский институт архитектуры присудил ему ежегодный приз.

Небоскреб номер семь стал первой башней, восстановленной после атаки террористов. В нем 52 этажа, высота 741 фут.

Колоссальная транспортная развязка совершенно фантастической, какой-то инопланетной формы (высоко вознесшая белоснежные лебединые крыла с колоссальными перьями-балками), дает возможность приехать сюда на метро, на поезде, на автобусе и на пароме, и выход из всех этих видов транспорта защищен от любых погодных условий. Проектировал новый транспортный узел испанский архитектурный гений Сантьяго Калатрава – лидер романтического хай-тека.

Грандиозное пространство для покупок (молл), занятое всевозможными магазинами невиданной красоты, еще строится.

Национальный Мемориал Всемирного Торгового Центра был открыт 11 сентября 2011 года, через 10 лет после трагедии, и представляет собой два квадратных бассейна с самыми большими рукотворными водопадами в США; эти бассейны расположены точно на месте бывших башен-близнецов. Автор проекта – американо-израильский архитектор Майкл Арад, ландшафтный дизайн разработан им совместно с американским дизайнером Питером Уокером. Около 5 миллионов человек посещают памятник ежегодно (рекорд среди всех исторических мест США). Бассейны спускаются вниз до бывшего подножия бывших башен-«близнецов». Имена погибших, высеченные на бортах бассейнов, видны сквозь водную пелену – словно сквозь пелену слез...

Музей 11 сентября расположен на том месте, где раньше стояли башни-«близнецы», в нем собрано более десяти тысяч экспонатов. Среди его экспонатов – фотографии погибших 11 сентября 2001 года. Жертвами террористов стали в этот день почти три тысячи человек, граждане девяносто двух государств. В первые дни работы доступ в музей был открыт только для родственников жертв, для тех, кто выжил во время теракта, для пожарных и спа-

сателей, для разбиравших руины рабочих и для жителей соседних кварталов. Чтобы пройти в залы музея, посетители спускаются по лестнице, ведущей во тьму; проходят мимо стальных несущих конструкций, оставшихся от стоявшего на этом месте небоскреба. Сама экспозиция расположена под землей. События этого трагического дня в истории США документированы с помощью многочисленных фотографий и видеозаписей. Потрясает сила разрушения: например, телевизионные и радиоантенны, находившиеся на Северной башне, спеклись в неразделимый клубок из металлических фрагментов. В нескольких витринах выставлена покрытая пеплом и пылью обувь людей, которым удалось спастись, убежать (напоминают витрины с обувью людей, сожженных в концлагере Освенцим). Изуродованные останки пожарной машины напоминают о 343 погибших пожарных и спасателях, до конца выполнявших свой долг на месте катастрофы. «Лестница выживших» – последняя надземная часть, оставшаяся от разрушенных башен Всемирного Торгового Центра: по этой лестнице многие все-таки смогли покинуть горевшие здания. В последнем зале музея – информация о террористах, угнавших гражданские самолеты и совершивших террористическую атаку, а также о главном организаторе катастрофы – змеином гнезде по имени «Аль-Каида» (террористическая организация, запрещена на территории РФ). На выходе из музея на мозаичной стене выведена строка из поэмы «Энеида» величайшего римского поэта Вергилия (именуемого на английском Virgil): «No day shall erase you from the memory of time» (Никакой день не сотрет вас из памяти времен).

Отступление от маршрута 3. Гармония, ярмарка и Слава

И скоморох в ину пору плачет

В школе Слава постоянно смешил класс, представляя все и всех на свете. Когда он впервые увидел фильм «Малыш» с Чаплиным, то проплакал до утра. А вскоре уже ходил по школе по-чаплински, в огромных башмаках, с тросточкой. (Все правильно: в Древней Греции театр был храмом, а уже в Древнем Риме – почти балаганом. Миманс вырос из увеселительных танцев, шутильных экспромтов, замечаний «на злобу дня» и комических куплетов). И через много лет Славу Полунина назовут лучшим клоуном мира и эпохи; он будет работать в канадском цирке «Дю солей» и в лондонском театре «Хакни»; получит престижнейшие театральные премии – премию Лоуренса Оливье, российский «Триумф», испанский «Золотой нос», эдинбургский «Золотой ангел» – за спектакль «сНежное Шоу», который триумфально шел в течение нескольких лет в Театре на Юнион Сквер, в самом сердце Нью-Йорка. Рядом на площади – ярмарка фермеров, и пахнет здесь цветущими подсолнухами, светлым медом и поздними яблоками.

Маленький театрик не узнать: он весь, от пола до потолка, темно-синий с белым, и снег бумажный здесь теперь идет в любую жару... Слава всегда перестраивает любой театр, любую сцену, на которой ему приходится выступать, под свой спектакль – в гармонии с искусством и жизнью. Впрочем, весь мир постепенно становится сценой для его проектов: он организовал фестиваль театров пантомимы, международную мастерскую пантомимы и клоунады, фестиваль уличных театров «Лицедей-лицей», фестиваль клоунады «Конгресс Дураков», «Караван мира» – странствующий театральный фестиваль, колесивший на машинах по Европе от Москвы до Парижа в течение полугода... собрал в Ленинграде около 800 артистов пантомимы со всех концов страны на «Мим-парад»; на фестиваль молодежи привез в Москву клоунов со всего света, в том числе «короля дураков» Джанго Эдвардса из Голландии и наисерьезнейшего Франца Йозефа Богнера из Германии. Слава создал объединенный театр европейских стран «Стена»; основал Академию дураков, первым академиком которой стал Ролан Быков; он проводил даже фестиваль женщин-клоунесс мира «Бабы-дуры» и Фестиваль уличных театров на необитаемом острове в Финском заливе.

Спектакль Славы «сНежное Шоу» идет по всему свету. Словно на ярмарочной площади, зритель активно участвует в этом спектакле, иногда даже определяет сюжет представления: в зависимости от реакции зала эпизоды могут меняться. В финале – в любую погоду, какая царит там, на улице, – театр заполняется снегом, бураном, начинающим бушевать из глубины сцены и добирающемся до самых дальних рядов. А после белой снежной метели в зал мчатся разноцветные надувные шары-шарики, и публика всех возрастов и всех народов их ловит, прыгая и бегая. И никто не может понять, в какое мгновение заканчивается спектакль и когда снова начинается улица, площадь, ярмарка.

Я пришла в перерыве между репетициями. Слава одновременно находится... всюду – на сцене, в пустом зале, в примерных; взгляд за ним не успевает. Подбегает ко мне – в красном спортивном костюме, в гриме: розовая лысина, вокруг венчик седоватых волос, красный клоунский нос. Спешит: «Я сейчас, только приведу себя в порядок и мы выйдем на ярмарку!» – и снимает лысину вместе с волосами и носом. А там... ВСЕ ТО ЖЕ САМОЕ, ТОЛЬКО НАТУРАЛЬНОЕ! Я падаю от смеха, а Слава спокоен, и только глаза выдают его удовольствие от этого мини-спектакля театра одного актера для одного зрителя.

– *Слава, почему вы для гастролей в Нью-Йорке выбрали именно Юнион Сквер – вот эту площадь, ярмарку, этот театрик?*

– Для театра очень непросто найти свое место, свою публику, – это все очень связанные между собой вещи. Большинство шоу привычно эффектно и эффективно. Люди приходят автоматически на то или иное шоу, в тот или иной театр: они примерно знают, что увидят, услышат и испытают. Привычно придет публика, привычно и забудет. А я ищу место, где публика будет внимательна. Готова к неожиданному. Поэтому искал здесь не «центральное» место, а нужное, нужный результат воздействия театра на зрителя. Каков будет результат именно в этом месте города? Где именно формируется человеческая атмосфера? Здесь, на Юнион Сквер, атмосфера необычная: здесь происходят всевозможные марши протеста, демонстрации, жизнь кипит, неожиданностей много – самое место для театра, когда приходится вырывать зрителя из привычного мира.

– *А зал вам тоже по душе пришелся? Он ведь маленький совсем...*

– Нет, сам зал был очень плохой, совершенно неинтересный. Я пригласил лучшего из всех театрального художника Сергея Бархина, он специально сюда приехал, посмотрел, изучил, сделал наброски. И атмосфера возникла! Зал стал живой и теплый. А вот то, что маленький, – так я специально искал зал не больше, чем на десять рядов, чтобы зритель оказался в поле зрения энергии личности, чтобы захватило.

– *Вы ведь не впервые в Нью-Йорке?*

– Нет, конечно, я здесь был раз пять или десять.

– *Разница заметная – пять или десять раз...*

– Трудно запомнить, я ведь примерно в 50 странах побывал, у меня вся семья живет в состоянии постоянного путешествия. Я люблю осматривать, бродить, изучать. Во Франции, например, я был в 120 городах и знаю их, да и страну в целом, наверное, лучше любого француза.

– *Из всех городов, где вы жили или были, какие вам больше прилипли по душе? Много ли их?*

– Не больше пяти... Питер – я очень давно хотел его увидеть, еще в детстве отчетливо представлял себе. А Москву я люблю за друзей, за людей. Но именно как город я Москву не люблю, хотя есть там хорошие старинные местечки и улочки. Но не люблю Москву мощную, высотную.

– *А Нью-Йорк как же – мощный, высотный?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.